

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого. Том 1. 1-я часть

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого.
Том 1. 1-я часть

«Public Domain»

1905

Бирюков П. И.

Биография Л.Н.Толстого. Том 1. 1-я часть / П. И. Бирюков —
«Public Domain», 1905

«...С робостью и благоговением, с сознанием своей слабости приступил я
к священному для меня делу, изображению жизни моего учителя, великого
старца Льва Николаевича Толстого...»

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Предисловие Л. Н. Толстого к своим воспоминаниям	10
Библиографический указатель	12
Часть I. Происхождение Льва Николаевича Толстого	15
Глава 1. Предки Л. Н. Толстого со стороны его отца	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Павел Иванович Бирюков

Биография Л. Н. Толстого. Том 1. 1-я часть

Предисловие к первому изданию

С робостью и благоговением, с сознанием своей слабости приступил я к священному для меня делу, изображению жизни моего учителя, великого старца Льва Николаевича Толстого.

Несколько лет тому назад я был настолько далек от этого дела, что, живя большую часть времени в самом близком соседстве со Львом Николаевичем, проводя в его доме часы и даже целые дни, никогда не делал никаких заметок, никаких записей того, что мне приходилось слышать как от самого Льва Николаевича, так и от окружавших его лиц. Теперь, уже живя в ссылке за свои религиозные убеждения вне России и потому вдаль от Льва Николаевича Толстого, я взялся за это важное дело.

Поводом к этому было предпринятое парижским издателем Стоком издание полного собрания сочинений Льва Николаевича на французском языке, для которого я получил предложение доставить проредактированный мною русский оригинал и написать к нему биографию.

Я знал хорошо, что писать биографию живого человека нельзя без согласия его самого и его семьи, и прежде, чем принять это предложение, я обратился к графине Софье Андреевне Толстой с просьбой сообщить мне, не будет ли она против того, чтобы я занялся составлением биографии Льва Николаевича, на что получил ободривший меня, добрый ответ ее; я выписываю здесь из ее письма то, что относится к делу.

«...Конечно, хорошо бы вам заняться биографией; и сам бы Лев Николаевич мог бы еще ответить вам на многое, что вы запросите мне; только надо спешить. Чуть-чуть не угасла всем нам дорогая жизнь. Но теперь, слава Богу, Лев Николаевич хорошо поправляется и опять работает».

Письмо это помечено 19 июля 1901 года и написано тотчас после перенесенной Львом Николаевичем тяжелой болезни.

Не желая беспокоить самого Льва Николаевича и будучи вперед уверен в том, что он не окажет никакого препятствия моей работе, я после вышеприведенного письма дал согласие на сделанное мне предложение и принялся за работу.

Начав знакомиться с материалом и вдумываться в сущность и программу предстоящей работы, я, с одной стороны, не раз ужасался громадности ее, а с другой стороны – все более и более увлекался ею, поглощался ее интересом и уже так сроднился с нею, что считаю ее теперь делом своей жизни, независимо от каких бы то ни было издательских соображений.

Предварительная работа моя состояла в собирании материала для биографии. Такие материалы, или источники для составления биографии Л. Н. Толстого я разделяю на четыре разряда по их важности или достоинству.

К первому разряду я причисляю, во-первых, личные автобиографические заметки самого Льва Николаевича, его письма к разным лицам и выписки из его дневников. Автобиографический материал представляет особенную важность при жизни автора его, так как всякое противоречие, встречающееся в нем, по сравнению со свидетельствами из других источников, может быть разъяснено самим автором и факт восстановлен во всей его полноте.

Ко второму разряду я причисляю различные воспоминания и биографические очерки лиц, близко знавших Льва Николаевича: его родственников, знакомых, бывших в непосредственном сношении с ним. К этому второму разряду я отношу также различные официальные данные и архивные материалы, как например: послужные списки, метрические свидетельства,

различные документы учебного начальства, копии с различных судебных и административных дел и т. д.

К третьему разряду я причисляю сочинения о Льве Николаевиче, составленные по другим источникам, а также те сочинения самого Льва Николаевича, к которым надо относиться весьма осторожно в смысле биографическом, так как реальные факты переплетаются в них с работой художественной фантазии.

Наконец, к четвертому разряду я причисляю различные мелкие статьи, а также и целые книги или плохо, бестолково составленные, или такие, авторы которых не заслуживают доверия, но которые все-таки могут иметь некоторую относительную ценность, заполняя иногда пробелы других источников. Перечислять их я не считаю нужным.

Иностранная литература крайне бедна биографическими сведениями о Льве Николаевиче, особенно по отношению к первому периоду его жизни. Поэтому я не выделяю список иностранных источников в особый отдел, а включаю их в общий алфавит.

В конце этого введения приложен список по разрядам всех использованных мною источников на русском и иностранных языках первых трех разрядов.

Сделав первые шаги при разборке полученного мною материала, я почувствовал потребность войти по этому делу в непосредственное сношение с самим Львом Николаевичем, так как много неясных сторон, открывшихся мне, мог разъяснить только он сам. Я долго колебался, стоит ли из-за этого тревожить его, но наконец решил написать ему, сказав, что решаюсь беспокоить его расспросами, зная, что он не отказывает художникам лепить и писать с него и фотографам-любителям делать с него снимки, хотя это и не может доставить ему удовольствия, а потому и я прошу его попозировать для меня, для моего словесного изображения его личности, которое я начал писать, и я получил на это его доброе согласие, которое он выразил в следующих словах в письме ко мне от 2 декабря 1901 г.:

«...Очень рад позировать вам и буду категорически отвечать на ваши вопросы».

Другую важную поддержку оказал мне друг мой В. Г. Чертков, охотно согласившийся открыть мне для работы свой богатый архив частной корреспонденции Льва Николаевича и выписок из его дневников.

Неблагоприятные условия моей работы состояли в том, что я, отрезанный от России каким-то нелепым административным распоряжением, лишен был возможности личного непосредственного общения с тем, жизнь кого я описываю, и лишен возможности работать в русских публичных библиотеках и архивах; это обстоятельство значительно затрудняло мою работу по выборкам из старых журналов, и только благодаря любезности некоторых частных владельцев русских библиотек за границей и благодаря богатству русского отдела в Британском музее, это препятствие было обойдено мною отчасти, но далеко не вполне. Я сделал все, что мог, по совести и разуму, чтобы превозмочь эти препятствия, даже подавал прошение министру внутренних дел о дозволении приехать мне на два месяца в Россию – и получил категорический отказ. Поэтому, конечно, я не могу считать свою задачу исчерпанной до конца.

Что касается до выпускаемого мною теперь первого тома, я должен сказать, что читатели найдут в нем нечто безусловно новое – это воспоминания Льва Николаевича о своем детстве и о своих родных, а также большое количество его частных писем.

Чтобы показать читателю, как трудно было Льву Николаевичу взяться за писание своих воспоминаний, и чтобы показать, как следует относиться к ним, я приведу несколько выдержек из моей переписки с ним по этому предмету.

Я несколько раз писал Льву Николаевичу и близко стоящим к нему людям с просьбой записать хотя словесные рассказы Льва Николаевича о своем детстве, что можно было бы сделать в простой вечерней беседе. Наконец я получил от Льва Николаевича следующее сообщение:

«...Сначала я думал, что не буду в состоянии помочь вам в моей биографии, несмотря на все мое желание сделать это. Боялся неискренности, свойственной всякой автобиографии, но теперь я как будто нашел форму, в которой могу исполнить ваше желание, указав на главный характер следовавших один за другим периодов моей жизни в детстве, юности и возмужалости. Как только оправлюсь настолько, что буду в состоянии писать, непременно посвящу на это несколько часов и постараюсь сделать это».

В одном из следующих писем он пишет мне следующее:

«...Боюсь, что я напрасно обнадежил вас обещанием писать свои воспоминания. Я пробовал думать об этом и увидел, какая страшная трудность избежать Харибды – самовосхваления (посредством умалчивания всего дурного) и Сциллы – цинической откровенности о всей мерзости своей жизни. Написать всю свою гадость, глупость, порочность, подлость – совсем правдиво, правдивее даже, чем Руссо, – это будет соблазнительная книга или статья. Люди скажут: вот человек, которого многие высоко ставят, а он вон какой был негодяй, так уж нам-то, простым людям, и Бог велел.

Серьезно, когда я стал хорошенько вспоминать всю свою жизнь и увидел всю глупость (именно глупость) и мерзость ее, я подумал: что же другие люди, если я, хваленый многими, такая глупая гадина? А между тем ведь это еще объясняется тем, что я хитрее других. Это все я вам говорю не для красоты слога, а совсем искренно. Я все это пережил».

Видя колебания Льва Николаевича и чувствуя всю важность этого дела, я продолжал настаивать и, чтобы дать, так сказать, канву, по которой он мог бы начать вышивать, я послал ему набросанную мною программу его биографии.

В этой программе я принял условную систему деления жизни человеческой на семилетние периоды. Это деление я слышал от самого Льва Николаевича, который когда-то в разговоре при мне высказал мысль, что ему кажется, что, соответственно семилетним периодам физической жизни человека, признаваемым некоторыми физиологами, можно установить и семилетние периоды в развитии духовной жизни человека, так что выйдет, что каждому семилетнему периоду соответствует особый духовный облик.

Резюмируя, таким образом, в кратких словах перечень фактов из жизни Льва Николаевича и расположив его по этим периодам, мы получаем следующую схему:

Года	Возраст	Содержание периодов
1) 1828-35 гг.	До 7 л.	Младенчество.
2) 1835-42 гг.	7--14	Отрочество.
3) 1842-49 гг.	14--21	Юность, ученье, университет, начало хозяйства в деревне.
4) 1849-56 гг.	21--28	Начало писательства, военная служба: Кавказ, Севастополь, Петербург.
5) 1856-63 гг.	28--35	Отставка, путешествия, смерть брата, педагогическая деятельность, посредничество, женитьба.
6) 1863-70 гг.	35--42	Семейная жизнь. "Война и мир". Хозяйство.
7) 1870-77 гг.	42--49	Самарский голод. "Анна Каренина". Апогей литературной славы, семейного счастья и богатства.
8) 1877-84 гг.	49--56	Кризис. "Исповедь". "Евангелие". "В чем моя вера?"
9) 1884-91 гг.	56--63	Москва. "Так что же нам делать?" Народная литература. "Посредник". Распространение идеи в обществе и народе. Критики.
10) 1891-96 гг.	63--70	Голод. "Царство Божие внутри вас". Духоборы. Гонение на последователей этих идей.
11) 1898-905 гг.	70--77	"Воскресение". Отлучение. Болезнь. Последний период. Обращение к военным, народу, духовенству и политическим деятелям. Война. Революционное и реформаторское движение в России.

При самом беглом обзоре этой схемы читатель невольно заметит духовную особенность каждого периода. И схема эта, или канва не осталась без результата. Я получил вскоре от Льва Николаевича письмо, в котором он пишет следующее:

«...Про свою биографию скажу, что очень хочется помочь вам и написать хоть самое главное. Решил я, что могу написать, потому что понял, что интересно бы было и полезно, может быть, людям показать всю мерзость моей жизни до моего пробуждения и, без ложной скромности говоря, всю доброту (хотя бы в намерениях, не всегда по слабости выполненных) после пробуждения. В этом смысле мне и хотелось бы написать вам. Ваша программа семилетняя мне полезна и, действительно, наводит на мысли. Постараюсь заняться этим при первом окончании начатой работы».

Наконец, еще через несколько месяцев я получил драгоценные листки с воспоминаниями, набросанными начерно самим Львом Николаевичем. Я поспешил воспользоваться ими, заменив этими яркими красками бледные места уже начатой мною биографии и, при первом удобном случае, переслал Льву Николаевичу начало моей работы с просьбой высказать свое суждение о ней.

На это я получил письмо, в котором Лев Николаевич, между прочим, писал следующее:

«...Общее мое впечатление то, что вы очень хорошо пользуетесь моими записками, но я избегаю вникать в подробности, так как такое вникание может завлечь меня в работу исправления, которой я не хочу. Так что предоставляю все вам, присовокупляя только то, что в своей биографии, цитируя места из моих записок, прибавьте: из доставленных мне и отданных в мое распоряжение черновых неисправленных записок».

Я рассказал всю эту историю, чтобы оградить Льва Николаевича от всякой литературной ответственности, и, исполняя его просьбу, привожу эту подчеркнутую фразу как в введении, так и при каждой цитате. Вот при таких-то ободряющих обстоятельствах я продолжал свою работу. Выпускаемый мною 1 том содержит в себе описание происхождения Льва Николаевича, первые периоды его жизни: детской, юношеской и возмужалой холостой жизни, и заключается его женитьбой.

Остановка на этом времени удобна в смысле содержания, так как сам Лев Николаевич считал этот момент началом новой для него жизни. Остановка на этом месте имеет и практическое значение в издательском смысле, так как содержание написанного по размеру составляет обыкновенный том французского издания.

Во втором периоде я надеюсь рассказать о периоде наибольшей литературной славы, семейного счастья и богатства Льва Николаевича, о пережитом им после этого кризисе и рождении его к новой духовной жизни, т. е. годы 1863–1884, соответствующие в жизни Льва Николаевича его летам 35–56.

И, наконец, в третьем томе – ту часть жизни, которой живет теперь Лев Николаевич и которая, надеюсь, на радость нам, не скоро еще кончится.

По справедливому замечанию одного биографа, жизнь Льва Николаевича подобна пирамиде, стоящей вершиной вниз и основанием вверх, продолжающей все расти и расширяться. Пропорционально этому располагается и биографический материал; ничтожное количество при его рождении, доходя до настоящего времени, оно возрастает до необъятности.

Имя Льва Николаевича Толстого избавляет меня от трудной и ответственной обязанности делать его общую характеристику, представлять его публике. Близость к натуре – вот моя единственная художественно-историческая задача.

П. И. Бирюков

Villa Russe. Onex pres Geneve. Suisse.

15 октября 1904 г.

Р. С. Я уже закончил составление первого тома, когда, вследствие временного ослабления русских репрессий, я получил разрешение вернуться в Россию. Я воспользовался этим разрешением, съездил туда и пополнил значительно биографический материал первого тома как посредством личного общения с Львом Николаевичем, так и чтением его дневников и переписки, за что приношу мою глубокую благодарность графине Софье Андреевне Толстой, открывшей мне доступ к ценным коллекциям биографического материала, собранного ею и сданного на хранение в московский Исторический музей, в комнату имени Льва Николаевича Толстого.

Весьма вероятно, что работа моя, начатая при более благоприятных обстоятельствах, приняла бы иные, более совершенные формы. Но я не имею возможности вернуться назад и начать сначала и потому оставляю ее такой, какой она есть, сделав только те перемены, которые требовал вновь собранный мною материал после моей поездки в Россию.

Оставляю также и мое введение в прежнем виде, так как оно верно изображает обстоятельства моей работы.

Еще два слова. Надеюсь, читатели поймут те особенные условия, в которых мне пришлось и приходится работать. Я пишу биографию не только живого, но еще бодро и энергично живущего человека, и потому я как биограф не могу сказать последнего слова, дать окончательной оценки этому столь сильно быющему жизненному потоку.

И потому я должен бы был скромно (и я делаю это вполне искренно) назвать свой труд лишь сборником доступных мне материалов для биографии Льва Николаевича Толстого.

Мне не хотелось задерживать выхода этого первого, более или менее законченного тома, так как я полагаю, что выпуск его в свет может указать обществу на тот центр, куда могли бы стекаться сведения, воспоминания и другие документы о жизни Льва Николаевича. Я буду искренно благодарен за всякую помощь и указания.

П. Б.

23 августа 1905 г.

Предисловие Л. Н. Толстого к своим воспоминаниям

Друг мой П. Б., взявшийся писать мою биографию для французского издания полного сочинения, просил меня сообщить ему некоторые биографические сведения.

Мне очень хотелось исполнить его желание, и я стал в воображении составлять свою биографию. Сначала я незаметно для себя самым естественным образом стал вспоминать только одно хорошее моей жизни, только, как тени на картине, присоединяя к этому хорошему мрачные, дурные стороны, поступки моей жизни. Но, вдумываясь более серьезно в события моей жизни, я увидел, что такая биография была бы хотя и не прямая ложь, но ложь вследствие неверного освещения и выставления хорошего и умолчания или сглаживания всего дурного. Когда же я подумал о том, чтобы написать всю истинную правду, не скрывая ничего дурного моей жизни, я ужаснулся перед тем впечатлением, которое должна бы была произвести такая биография. В это время я заболел. И во время невольной праздности – болезни – мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны.

Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание»:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогна града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда, –
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья.
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечные грызенья
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток.
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В последней строке я только изменил бы так, – вместо «строк печальных...» поставил бы «строк постыдных не смываю». Под этим впечатлением я написал у себя в дневнике следующее:

6 января 1903 г.

«Я теперь испытываю муки ада: вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни, и воспоминания эти не оставляют меня и отравляют жизнь. Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти. Какое счастье, что этого нет! Какое бы было мученье, если бы я в этой жизни помнил все дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей жизни! А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное. Какое счастье, что воспоминание исчезает со смертью и остается одно сознание, – сознание, которое представляет как бы общий вывод из хорошего и дурного, как бы сложное уравнение, сведенное к самому простому его выражению: $x =$ положительной или отрицательной, большой или малой величине!

Да, великое счастье – уничтожение воспоминания; с ним нельзя бы жить радостно. Теперь же, с уничтожением воспоминаний, мы вступаем в жизнь с чистой, белой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное».

Правда, что не вся моя жизнь была так ужасно дурна, – таким был только 20-летний период ее; правда и то, что и в этот период жизнь моя не была сплошным злом, каким она представлялась мне во время болезни, и что и в этот период во мне пробуждались порывы к добру, хотя и недолго продолжавшиеся и скоро заглушаемые ничем не сдерживаемыми страстями. Но все-таки эта моя работа мысли, особенно во время болезни, ясно показала мне, что моя биография, как пишут обыкновенно биографии, с умолчанием о всей гадости и преступности моей жизни, была бы ложь, и что если писать биографию, то надо писать всю настоящую правду. Только такая биография, как ни стыдно мне будет писать ее, может иметь настоящий и плодотворный интерес для читателей. Вспоминая так свою жизнь, т. е. рассматривая ее с точки зрения добра и зла, которые я делал, я увидел, что вся моя длинная жизнь распадается на четыре периода: тот чудный, в особенности в сравнении с последующим, невинный, радостный, поэтический период детства до 14 лет, потом второй – ужасные 20 лет, или период грубой распущенности, служение честолюбию, тщеславию и, главное, похоти, потом третий, 18-летний период от женитьбы и моего духовного рождения, который с мирской точки зрения можно бы назвать нравственным, т. е. в эти 18 лет я жил правильной, честной, семейной жизнью, не предаваясь никаким осуждаемым общественным мнением порокам, но интересы которого ограничивались эгоистическими заботами о семье, об увеличении состояния, о приобретении литературного успеха и всякого рода удовольствиями.

И, наконец, четвертый, 20-летний период, в котором я живу теперь и в котором надеюсь умереть, и с точки зрения которого я вижу все значение прошедшей жизни, и которого я ни в чем не желал бы изменить, кроме как в тех привычках зла, которые усвоены мной в прошедшие периоды.

Такую историю жизни всех этих четырех периодов, совсем правдивую, я хотел бы написать, если Бог даст мне силы и жизни. Я думаю, что такая написанная мною биография, хотя бы и с большими недостатками, будет полезнее для людей, чем вся та художественная болтовня, которой наполнены мои 12 томов сочинений и которым люди нашего времени приписывают не заслуженное ими значение.

Теперь я и хочу сделать это. Расскажу сначала первый, радостный период детства, который особенно сильно манит меня; потом, как мне ни стыдно это будет, расскажу, не утаив ничего, и ужасные 20 лет последующего периода. Потом и третий период, который менее всех может быть интересен, и, наконец, последний период – моего пробуждения к истине, давшего мне высшее благо жизни и радостное спокойствие в виду приближающейся смерти.

Для того, чтобы не повторяться в описании детства, я перечел мое писание под этим заглавием и пожалел о том, что написал это: так нехорошо, литературно, неискренно написано. Оно и не могло быть иначе, во-первых, потому что замысел мой был описать историю не свою, а моих приятелей детства, и оттого вышло нескладное смешение событий их и моего детства, а во-вторых, потому что во время описания этого я был далеко не самостоятелен в формах выражения, а находился под влиянием сильно подействовавших на меня тогда двух писателей: Stern'a (*ero Sentimental journey*) и Topfer'a (*Biblioteque de mon oncle*).

В особенности же не понравились мне теперь последние две части, «Отрочество» и «Юность», в которых, кроме нескладного смешения правды с выдумкой, есть и неискренность, желание выставить как хорошее и важное то, что я не считал тогда хорошим и важным, – мое демократическое направление. Надеюсь, что то, что я напишу теперь, будет лучше – главное, полезнее другим людям.

Библиографический указатель

I разряд

- 1) Краткая биография, составленная самим Львом Николаевичем Толстым по просьбе Н. Страхова для издания Стасюлевича «Русская библиотека», в. IX. Гр. Л. Н. Толстой. Спб. 1879.
- 2) «Исповедь» Л. Н. Толстого. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого, запрещенных в России. Т. 1. Издание «Свободного слова». Christchurch. Hunts. England.
- 3) Первые воспоминания. Отрывок. Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого., изд. 10-е. М., 1897, т. XIII. Впервые появились в сборнике И. Горбунова-Посадова «Русским матерям». М., 1892.
- 4) Доставленные мне и отданные в мое распоряжение черновые неисправленные записки Л. Н. Толстого.
- 5) Частные письма Л. Н. Толстого к его родственникам и знакомым.
- 6) Дневник Л. Н. Толстого.
- 7) Материалы к биографии Л. Н. Толстого, записанные с его слов С. А. Толстой.
- 8) Автобиографические рассказы, помещенные в IV томе полн. собр. соч. Л. Н. Толстого. (Педагогические статьи).
- 9) «Мои воспоминания 1848–1889» А. А. Фета. М., 1890 (большое количество писем Л. Н. Толстого).
- 10) Несколько слов по поводу книги «Война и мир». Статья Л. Н. Толстого. «Русский архив», 1868, вып. 3.

II разряд

- 11) С. А. Берс. Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом. Смоленск. 1894 г.
- 12) Paul Boyer. Chez Tolstoi. Trois jours a lasnaia Poliana. «Le Temps» 27–29 Aout 1901.
- 13) А. Е. Головачева-Панаева. Русские писатели и артисты. Воспоминания 1824–1870 гг. Изд. Губинского. Спб, 1890.
- 14) Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. Полное собрание сочинений. Т. XII, с. 326.
- 15) Г. П. Данилевский. Поездка в Ясную Поляну. «Исторический вестник». Март 1886 г.
- 16) Из бумаг А. В. Дружинина. «XXV лет». Сборник, изданный обществом пособия нуждающимся литераторам и ученым. Спб, 1884.
- 17) Н. П. Загоскин. Гр. Л. Н. Толстой и его студенческие годы. «Исторический вестник». Январь 1894 г.
- 18) Захарьин (Якунин) Ив. Графиня А. А. Толстая. Личные впечатления и воспоминания. «Вестник Европы». Июнь 1904 г.
- 19) Р. Левенфельд. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь и сочинения. Перевод с немецкого А. В. Перельгиной (с примечаниями гр. С. А. Толстой). М., 1897.
- 20) R. Lewenfeld. Gesprache mit und uber Tolstoi. Leipzig.
- 21) Е. Марков. Живая душа в школе. Мысли и воспоминания старого педагога. «Вестник Европы». Февраль 1900 г.
- 22) М. О. Меншиков. Первое произведение Л. Н. Толстого. Книжки «Недели». Октябрь 1892 г.

- 23) Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. Изд. «Русского богатства». Спб., 1900 г.
- 24) Мнение 105 тульских дворян о наделе крестьян землею. «Современник» 1858 г. Т. 72.
- 25) Н. Г. Молоствов. Лев Толстой. Критико-биографическое исследование. Под редакцией А. Волинского. Изд. Сойкина.
- 26) Н. А. Некрасов. Четыре письма к гр. Л. Н. Толстому. «Нива», № 2, 1898.
- 27) Л. П. Никифоров. Биографический очерк. «Курьер». Сентябрь 1902 г.
- 28) Кн. Д. Д. Оболенский. Наброски и воспоминания. «Русский архив», 1891.
- 29) И. И. Панаев. Литературные воспоминания, с приложением писем. Изд. Мартынова. Спб., 1888 г.
- 30) С. Плаксин. Граф Л. Н. Толстой среди детей. М., 1903 г.
- 31) В. А. Полторацкий. Воспоминания. «Исторический вестник». Июнь 1893 г.
- 32) А. Румянцев. Письмо к Д. И. Титову. Изд. Герцена. Лондон, 1857, «Полярная звезда», IV.
- 33) «Севастопольская песня». Сообщил один из участников в составлении «Севастопольской песни». «Русская старина». Февраль 1884 г.
- 34) П. А. Сергеенко. Как живет и работает Л. Н. Толстой. М., 1898 г.
- 35) Евг. Скайлер. Воспоминания о гр. Л. Н. Толстом. «Русская старина». Октябрь 1890 г. Пер. с английского. (Scribnei Magasine, 1889).
- 36) Тенеромо. Живые речи. Спб.
- 37) И. С. Тургенев. Первое собрание писем. 1840–1883 гг. Изд. Литературного фонда. Спб., 1885.
- 38) Д. Успенский. Архивные материалы для биографии Л. Н. Толстого. «Русская мысль». Сентябрь 1903 г.
- 39) Частные письма родственников и знакомых Л. Н. Толстого о нем.
- 40) Н. К. Шильдер. Эпизод из Аустерлицкого боя. «Русская старина», 1890, Т. LXVIII.

III разряд

- 41) Евг. Богословский. Тургенев о Льве Толстом. 75 отзывов. Тифлис. 1894 г.
- 42) Wilth Bode. Tolstoi in Weimar. Der Saemann. Monatsschrift. Leipzig, Sept. 1905.
- 43) М. И. Венюков. Песня о Севастополе. «Русская старина». Февраль 1875 г.
- 44) Кн. Е. Г. Волконская. Род князей Волконских. Материалы, собранные и обработанные княгиней Е. Г. Волконской. Спб., 1900.
- 45) Кн. С. Гр. Волконский (декабрист). Записки.
- 46) Е. Гаршин. Воспоминания о И. С. Тургеневе. «Исторический вестник». Ноябрь 1883 г.
- 47) П. Д. Драганов. Гр. Л. Н. Толстой как писатель всемирный и распространение его произведений в России и за границей
- 48) А. Ф. Кони. Биографический очерк «И. Ф. Горбунов» (Предисловие к собранию сочинений).
- 49) В. Н. Ляковский. Ал. Степ. Хомяков. Его биография и учение, «Русский архив», 1896, 11.
- 50) В. Н. Назарьев. Жизнь и люди былого времени. «Исторический вестник». Ноябрь 1900 г.
- 51) Е. Соловьев. Л. Н. Толстой, его жизнь и литературная деятельность. Изд. Павленкова.
- 52) М. А. Янжул. К биографии Л. Н. Толстого. «Русская старина». Февраль 1900 г.
- А также многие газетные заметки и статьи.

Справочные книги

- 53) Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь.
- 54) Юрий Битовт. Гр. Толстой в литературе и искусстве. Библиографический указатель. Изд. Сытина. М., 1903 г.
- 55) Русская словесность с XI по XIX столетие включительно.
- 56) В. Зелинский. Русская критическая литература о произведениях Л. Н. Толстого. М., 1896 г.

Часть I. Происхождение Льва Николаевича Толстого

Глава 1. Предки Л. Н. Толстого со стороны его отца

Графы Толстые – старинный дворянский род, происходящий, по сказаниям родословцев, от мужа честна Индриса, выехавшего «из немец, из Цесарские земли» в Чернигов в 1353 году, с двумя сыновьями и с дружиной из трех тысяч человек; он крестился, получил имя Леонтия и был родоначальником нескольких дворянских фамилий. Его правнук, Андрей Харитонович, переселившийся из Чернигова в Москву и получивший от вел. кн. Василия Темного прозвище Толстого, был родоначальником Толстых (в графской отрасли рода Толстых граф Лев Николаевич числится от родоначальника Индриса в 20 колене).

Один из потомков Индриса, Петр Андреевич Толстой, служил в 1683 году при дворе стольником и был одним из главных зачинщиков стрелецкого бунта. Падение царевны Софии заставило П. А. Толстого резко переменить фронт и перейти на сторону царя Петра, но последний долго относился к Толстому очень сдержанно, и вообще Петр Андреевич долго не пользовался доверием царя: рассказывают, что на веселых пирах Петр любил сдергивать большой парик с головы Петра Толстого и, ударяя по плечи, приговаривать: «Головушка, головушка, если бы ты не была так умна, то давно бы с телом разлучена была».

Недоверчивость царя не была поколеблена и военными заслугами П. А. Толстого во втором Азовском походе (1696 г.).

В 1697 году царь посылал «волонтеров» в заграничное ученье, и Толстой, будучи уже в зрелых летах, сам вызвался ехать туда для изучения морского дела. Два года, проведенные в Италии, сблизили Толстого с западноевропейской культурой. В конце 1701 года Толстой назначен был посланником в Константинополь – на пост важный, но трудный; во время осложнений 1710–1713 гг. Толстой дважды сидел в Семибашенном замке, – поэтому в гербе графов Толстых изображен этот замок.

В 1717 году П. А. Толстой оказал царю важную услугу, навсегда упрочившую его положение: посланный в Неаполь, близ которого в Кастель Сент-Эльмо в то время скрывался царевич Алексей со своей подругой Евфросиньей, Толстой, при содействии Евфросиньи, ловко обошел царевича и путем застрашивания и ложных обещаний склонил его к возвращению в Россию. За деятельное участие в следствии, суде и тайной казни царевича, совершенной им по приказанию Петра в соучастии с Румянцевым, Ушаковым и Бутурлиным, Толстой был награжден поместьями и поставлен во главе Тайной канцелярии, у которой в это время было особенно много работы вследствие толков и волнений, вызванных в народе судьбою царевича Алексея. С этих пор Толстой становится одним из самых близких и доверенных лиц государя. Дело царевича Алексея сблизило его с императрицей Екатериной, в день коронации которой – 7-го мая 1724 года – он получил титул графа. После смерти Петра I П. А. Толстой вместе с Меншиковым энергично содействовал воцарению Екатерины, а потому и пользовался у ней большими милостями. Но с воцарением Петра II, сына казненного царевича Алексея, падение его было неминуемо. Несмотря на свой преклонный возраст – 82 года, Петр Толстой был сослан в Соловецкий монастырь, где прожил недолго и умер в 1729 году.

Сохранился дневник заграничного путешествия Толстого в 1697–1699 годах, – характерный образчик тех впечатлений, какие выносили русские люди петровского времени из своего знакомства с Западной Европой. Кроме того, Толстой составил в 1705 году обстоятельное описание Черного моря. Известны в свое время были также его два перевода: «Метаморфозы» Овидия и «Управление турецким государством».

У него был сын Иван Петрович, который в одно время с отцом был лишен занимаемой им должности (председателя суда) и также сослан в Соловецкий монастырь, где умер незадолго до отца.

Только 26 мая 1760 года, уже при императрице Елизавете Петровне, потомству Петра Андреевича было возвращено графское достоинство в лице внука его Андрея Ивановича, прадеда Льва Николаевича.

«Про Андрея Ивановича, женившегося очень молодым на княжне Щетининой, я слышал от тетушки такой рассказ. Жена его по какому-то случаю без мужа должна была ехать на какой-то бал. Отъехав от дома, вероятно, в возке, из которого вынуто было сиденье, для того, чтобы крышка возка не повредила высокой прически, молодая графиня, вероятно, лет семнадцати, вспомнила дорогой, что она, уезжая, не простилась с мужем и вернулась домой.

Когда она вошла в дом, она застала его в слезах. Он плакал о том, что жена перед отъездом не зашла к нему проститься».

О деде и бабушке своей со стороны отца Лев Николаевич так рассказывает в своих воспоминаниях:

«Бабушка, Пелагея Николаевна, была дочь скопившего себе большое состояние слепого князя Николая Ивановича Горчакова. Сколько я могу составить себе понятие о ее характере, она была недалекая, малообразованная, – она, как все тогда, знала по-французски лучше, чем по-русски (и этим ограничивалось ее образование), и очень избалованная – сначала отцом, потом мужем, а потом, при мне уже, сыном – женщиной. Кроме того, как дочь старшего в роде она пользовалась большим уважением всех Горчаковых: бывшего военного министра Алексея Ивановича, Андрея Ивановича и сыновей вольнодумца Димитрия Петровича: Петра, Сергея и Михаила Севастопольского.

«Дед мой, Илья Андреевич, ее муж, был тоже, как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное – доверчивый. В имении его, Белевского уезда, Полянах, – не Ясной Поляне, но Полянах, – шло долго не перестающее пиршество, театры, балы, обеды, катания, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть и при готовности давать всем, кто просил, займы и без отдачи, а главное, затеваемыми аферами, откупам, кончились тем, что большое имение его жены все было так запутано в долгах, что жить было нечем, и дед должен был выхлопотать и взять, что ему было легко при его связях, место губернатора в Казани.

Дед, как мне рассказывали, не брал взятки, кроме как с откупщика, что было тогда общепринятым обычаем, и сердился, когда их предлагали ему. Но бабушка, как мне рассказывали, тайно от мужа брала приношения.

В Казани бабушка выдала меньшую дочь, Пелагею, за Юшкова. Старшая же, Александра, еще в Петербурге была выдана за графа Остен-Сакен.

После смерти мужа в Казани и женитьбы отца моя бабушка поселилась с моим отцом в Ясной Поляне, и тут я застал ее уже старухой и хорошо помню ее.

Отца бабушка страстно любила и нас – внуков, забавляясь нами. Любила тетушек, но, мне кажется, не совсем любила мою мать, считая ее недостойной моего отца и ревнуя его к ней. С людьми, прислугой она не могла быть требовательна, потому что все знали, что она первое лицо в доме, и старались угождать ей, но со своей горничной Гашей она отдавалась своим капризам и мучила ее, называя: «вы, моя милая», – и требуя от нее того, чего она не спрашивала, и всячески мучая ее. И странное дело, Гаша, Агафья Михайловна, которую я знал хорошо, заразилась манерой бабушки капризничать: и со своей девочкой, и со своей кошкой, и вообще с существами, с которыми могла быть требовательна, была так же капризна, как бабушка с ней.

Самые ранние воспоминания мои о бабушке, до нашей поездки в Москву и жизни там, сводятся к трем сильным связанным с ней впечатлениям. Первое – это то, как бабушка умы-

валась и каким-то особенным мылом пускала на руках удивительные пузыри, которые, мне казалось, только она одна могла делать. Нас нарочно приводили к ней, – вероятно, наше восхищение и удивление перед ее мыльными пузырями забавляло ее, – чтобы видеть, как она умывалась. Помню, белая кофточка, юбка, белые старческие руки и огромные поднимающиеся на них пузыри, и ее довольное, улыбающееся белое лицо.

Второе воспоминание – это было то, как ее без лошади, на руках вывели камердинеры отца в желтом кабриолете с рессорами, в котором мы ездили кататься с гувернером Федором Ивановичем, в мелкий Заказ для сбора орехов, которых в этом году было особенно много. Помню чашу частого и густого орешника, в глубь которого, раздвигая и ломая ветки, Петруша и Матюша (дворовые камердинеры) ввели желтый кабриолет с бабушкой, и как нагибали ей ветки с гроздьями спелых, иногда высыпавшихся орехов, и как бабушка сама рвала их и клала в мешок, и как мы где сами гнули ветки, где Федор Иванович, и удивлял нас своей силой, нагибая нам толстые орешники, а мы обирали со всех сторон и все-таки видели, что еще оставались незамеченные нами орехи, когда Федор Иванович пускал их, и кусты, медленно цепляясь, расправлялись. Помню, как жарко было на полянах, как приятно прохладно в тени, как дышалось терпким запахом ореховой листвы, как шелкали со всех сторон, разгрызаемые девушками, которые были с нами, орехи, и как мы, не переставая, жевали свежие, полные белые ядра.

Мы собирали в карманы, подолы и наш кабриолет, и бабушка принимала и хвалила нас. Как мы пришли домой, что было после, я ничего не помню; помню, что бабушка, орешник, терпкий запах ореховой листвы, камердинеры, желтый кабриолет, солнце – соединились в одно радостное впечатление. Мне казалось, что как мыльные пузыри могли быть только у бабушки, так и лес, и орехи, и солнце, и те могли быть только при бабушке в желтом кабриолете, который везут Петруша и Матюша.

Самое же сильное, связанное с бабушкой, воспоминание, – это ночь, проведенная в спальне бабушки, и Лев Степаныч. Лев Степаныч был слепой сказочник (он был уже стариком, когда я узнал его), – остаток старинного барства, барства деда. Он был куплен только для того, чтобы рассказывать сказки, которые он, вследствие свойственной слепым необыкновенной памяти, мог слово в слово рассказывать после того, как их раза два прочитывали ему.

Он жил где-то в доме, и целый день его было не видно. Но по вечерам он приходил наверх, в спальню бабушки (спальня эта была в низенькой комнатке, в которую входить надо было по двум ступеням), и садился на низенький подоконник, куда ему приносили ужин с господского стола. Тут он дожидался бабушку, которая без стыда могла делать свой ночной туалет при слепом человеке. В тот день, когда был мой черед ночевать у бабушки, Лев Степаныч со своими белыми глазами, в синем длинном сюртуке с буфами на плечах сидел уже на подоконнике и ужинал. Не помню, как раздевалась бабушка, в этой ли комнате или в другой, и как меня уложили в постель, помню только ту минуту, когда свечу потушили, осталась одна лампадка перед золочеными иконами, бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся белая, в белом, на белом и покрытая белым, в своем белом чепце, высоко лежала на подушках, и с подоконника слышался ровный, спокойный голос Льва Степановича: «Продолжать прикажете?» – «Да, продолжайте». – «Любимая сестрица», сказала она, – заговорил Лев Степаныч тихим, ровным старческим голосом, – «расскажите нам одну из тех прелюбопытнейших сказок, которые вы так хорошо умеете рассказывать». «Охотно, – отвечала Шехеразада, – рассказала бы я замечательную историю принца Камаральзамана, если повелитель наш выразит на то свое согласие». Получив согласие султана, Шехеразада начала так: «У одного владетельного царя был единственный сын...» – очевидно, слово в слово по книге начал Лев Степаныч историю Камаральзамана. Я не слушал, не понимал того, что он говорил, настолько был поглощен таинственным видом белой бабушки, ее колеблющейся тенью на стене и видом старика с белыми глазами, которого я не видал теперь, но которого помнил неподвижно сидевшего на подоконнике и медленным голосом говорившего

какие-то странные, мне казавшиеся торжественными слова, одиноко звучащие среди темноты комнатки, освещенной дрожащим светом лампадки. Должно быть, я тотчас же заснул, потому что дальше ничего не помню, и только утром опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, делала на своих руках бабушка».

По воспоминаниям сестры Льва Николаевича, Марьи Николаевны, у слепого Льва Степановича был такой тонкий слух, что он ясно слышал, как бегают мыши, и знал, куда они бегут. Одним из лакомств для мышей в комнате бабушки было лампадное масло, которое они лизали. И вот ночью, во время равномерного рассказывания сказки, Лев Степанович вдруг останавливался и таким же спокойным голосом заявлял: «А вот, ваше сиятельство, мышка побежала к лампадке масло лизать». И потом с той же равномерностью продолжал свой рассказ.

Графы Толстые известны на многих отраслях общественной деятельности; мы полагаем, что читателям интересно знать, в какой степени родства находятся некоторые из них по отношению к Льву Николаевичу. Мы упомянем здесь о Федоре Петровиче Толстом, известном художнике, медальере и вице-президенте императорской Академии Художеств, приходившемся родным братом Константину Петровичу Толстому, отцу поэта Алексея Константиновича Толстого, который, в свою очередь, приходился троюродным братом Льву Николаевичу. Бывший министр, Дмитрий Андреевич Толстой, известный своими ретроградными реформами, принадлежал к более дальней родне Льва Николаевича и происходил от их общего предка Ивана Петровича Толстого, сына первого графа Толстого, Петра Андреевича, умершего с ним вместе в ссылке, в Соловецком монастыре.

Надо упомянуть также об интересном человеке Федоре Толстом, прозванном «американцем» и известном своими эксцентрическими авантюрами. В комедии Грибоедова «Горе от ума» есть намек на него в словах: «в Камчатку сослан был, вернулся алеутом». О нем говорит и Лев Николаевич в воспоминаниях о своем детстве. Личность его послужила Льву Николаевичу отчасти материалом для создания в «Войне и мире» типа Долохова. Он приходился двоюродным дядей Льву Николаевичу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.